

Историк Василий Расевич: почему украинская политика памяти конкурирует с еврейской и

Двор тюрьмы на Лонцкого, куда 30 июня 1941-го вытягивали трупы для опознания

Почему украинская политика памяти конкурирует с еврейской и польской, как в «Тюрьме на Лонцкого» забыли о львовском погроме и отчего мы с готовностью клюем на российскую пропаганду, — об этом и многом другом в интервью с историком Василием Расевичем.

— Своя рубашка всегда ближе к телу, и личное горе ближе трагедии соседа. Так устроен мир, но не деформирует ли это основы исторической науки? Особенно в Украине...

— Огромная часть украинской политики памяти носит конкурентный характер по отношению к еврейской. Это борьба за право быть эксклюзивной жертвой. Наш УИМП создан по примеру польского Института национальной памяти, а тот, в свою очередь, во многом строился по образцу «Яд Вашем».

Три народа соревнуются за этот статус, поэтому УИМП создал опорные пункты украинской виктимности. Главный из них — Голодомор. Это центральное событие в исторической политике памяти. Количество жертв Голодомора огромно, но все равно меньше, чем число погибших от нацистов евреев, поэтому надо «переплюнуть Холокост», доведя украинские потери хотя бы до шести миллионов. Разные исследователи говорят о 3-4 миллионах умерших от голода, но в посольства Украины за рубежом передана официальная цифра — 10 миллионов. Это очевидный абсурд даже с учетом нерожденных детей.

— Одно из проявлений этой эксклюзивности — концепция львовского музея-мемориала «Тюрьма на Лонцкого»? Где бережно хранят память о расстрелянных НКВД в июне 1941-го сотнях заключенных, но даже не упоминают о последовавшем за этим еврейском погроме, унесшем 4000 жизней...

— К сожалению, это так. После того, как 30 июня 1941 года тела расстрелянных узников вытянули во двор для опознания, началось убийство тех, кто их вытягивал, — местных евреев. Которых по приказу немцев специально согнали для этой работы, в том числе и при помощи милиции ОУН. Их убивали в том же тюремном дворе — сохранилось фото, на котором видно, как отличается одна гора тел — это люди в приличной одежде, только что пришедшие из дома. А потом начался организованный немцами, но осуществленный в том числе и украинцами погром...

Львовский погром, 1941

Но об этом, действительно, в экспозиции ни слова. Как и о том, что среди узников, расстрелянных НКВД, были и поляки, и евреи. Списки с фамилиями заключенных висят на стенах музея, но красной линией проходят страдания исключительно украинских националистов. Разумеется, они там были, но такой музей не может быть музеем страданий одного народа.

Что касается погрома, то директор существующего более десяти лет музея говорит, что сотрудникам не хватило времени описать события Холокоста. Видимо, даже одно событие, непосредственно связанное с тюрьмой на Лонцкого. Пару лет назад американская журналистка Сара Тополь услышала из уст директора, мол, с этим погромом не все ясно, якобы и некоторые евреи принимали в нем участие. Это многое говорит как о моральных качествах этого человека, так и его профессиональной компетенции.

И еще один момент. Если речь идет о музее оккупационных режимов, а именно так он позиционируется, то почему бы не рассказать, что первую волну арестов — в 1939-м — НКВД обрушил в основном на богатых поляков и евреев. Потом была вторая волна, среди жертв которой тоже хватало евреев

и поляков, и лишь третий вал арестов затронул главным образом украинских патриотов. Все это — история Львова — и так она и должна быть отражена.

— Вероятно, тюрьма на Лонцкого стала символом изуверства НКВД по отношению к борцам за независимость Украины, а символы должны быть простыми и ясными...

— Беда в том, что украинские исследователи ограничились брошюрками, написанными в диаспоре на основании нацистских пропагандистских клише. Хотя известный немецкий историк Кай Штруве давно доказал, что тюрьма на Лонцкого отнюдь не была главным местом расстрелов заключенных. Печальную пальму первенства удерживают Бригидки.

Львовяне на опознании тел родственников, расстрелянных НКВД, 30 июня 1941

До недавних пор считалось, что подобные ужасы происходили в трех тюрьмах Львова и в тюрьме Золочева. На самом деле во Львове было четыре тюрьмы, где чекисты расстреляли всех узников перед отступлением Красной армии, но об одной из них немцы не знали, поэтому и не использовали в пропаганде. Когда эту — четвертую тюрьму — наконец, нашли и обнаружили там более

200 тел, никакого пропагандистского эффекта это уже не имело — трупы тихо вывезли и захоронили на Лычаковском кладбище. А о тюрьме забыли.

Забыли о ней и в диаспорных изданиях, составленных в полном соответствии с немецкими документами. Но поразительно, что люди, занимающиеся сегодня в независимой Украине увековечением памяти жертв советских репрессий, тоже не вспоминают об этой тюрьме — эти люди их тоже не интересуют! Такая вот странная аберрация политики памяти.

— Так или иначе, члены ОУН и воины УПА, боровшиеся за независимость своей страны, воспринимаются многими как герои, что вполне объяснимо. Но как объяснить упорство «государственных историков» в обелении людей, верой и правдой служивших нацистам? Я имею в виду солдат дивизии СС «Галичина», носивших форму страны, убившей несколько миллионов украинцев и официально считавшей их унтерменшами.

— Унтерменшами считали не всех, и я бы назвал это отсроченной мстью нацистского режима современной Украине. Дело в том, что украинское население дистрикта Галиция неформально было почти приравнено к фольксдойчам. Рейхсминистр восточных оккупированных территорий Альфред Розенберг полагал, что за 150 лет правления Габсбургов украинцы Галиции в цивилизационном плане значительно опередили соплеменников из восточных областей. Даже в Рейхскомиссариате Украина отношение к местному населению было совсем иным, и чтобы переехать из Ровно во Львов требовалось специальное разрешение. К чести украинских националистов надо признать, что они еще в 1941 году на Национальных сборах выступили против этого искусственного раздела.

Тем не менее политика «разделяй и властвуй» оказалась весьма эффективной. Например, в дистрикте Галиция украинцам разрешали поступать в вузы, они могли даже продолжить учебу в Вене, работал украинский театр, писатели ездили на отдых в Криницу — в целом украинская жизнь во время оккупации была весьма интенсивной. При этом галичане смотрели сквозь пальцы на массовый геноцид евреев и радовались падению главного врага — польского государства (поляки вообще должны были исчезнуть).

На этом фоне в Галиции нацисты сформировали дивизию СС. Вначале в ней не было ничего украинского, кроме личного состава — Первой украинской дивизией она стала в 1945 году, до этого использование национальной символики было запрещено. Из национального колорита присутствовал лишь лев — символ Галиции, о тризубе и думать не смели.

— До поры до времени все это было просто частью истории, кто же втянул дивизию СС «Галичина» в современное публичное пространство?

— У нас долгое время закрывали глаза на марш вышиванок, проходивший почему-то именно в день основания дивизии СС «Галичина» — это такой секрет Полишинеля. Рассматривали его как проделки правых радикалов, маргинальное явление на низовом уровне. Потом эти ребята начали ходить с портретами офицеров в нацистской форме, орал лозунги вроде «Слава нації — смерть ворогам» и т.п.

А в прошлом году прошла выставка оружия и амуниции дивизии СС «Галичина» — прямо перед окнами областного совета. Это уже сложно

списать на маргиналов. На выставку начали приводить школьников, рассказывали им о боевом пути дивизии, давали подержать оружие. Областное управление образования разослало пример типового урока о дивизии СС «Галичина», который надо провести в школах области. На мой взгляд, это ужасная антиукраинская диверсия, последствия которой еще скажутся. Но вызвана она не столько идеологическими, сколько политтехнологическими причинами.

— **Какого рода?**

— Это было время политического соперничества Петра Порошенко с другим кандидатом в президенты — мэром Львова Андреем Садовым, которого надо было нейтрализовать. Так возникла мусорная блокада, обвалившая рейтинг Садового, параллельно начались игры на патриотическом поле. Ведь Порошенко и Садовой претендовали в общем-то на один — национально сознательный и либеральный — электорат.

Поэтому команда президента делала все, чтобы закрепить за Петром Алексеевичем монополию на патриотизм. Дошло до того, что к 100-летию ЗУНР были открыты два памятника — один от областной администрации, другой — от мэрии — на расстоянии 600 метров друг от друга.

Два памятника во Львове к 100-летию ЗУНР

С выставкой, посвященной дивизии «Галичина», игра была еще тоньше — верный сторонник президента, губернатор Синютка рассчитывал на круги по воде — мол, в самом центре столицы Галиции героизируют подразделение СС. Никто же не знает, что организована выставка не мэрией, а областным советом, который контролируется ставленником первого лица в стране. Тем самым Садового вынуждали как-то отреагировать. Высказавшись против, он потерял бы часть националистического электората, а промолчав, предстал бы правым радикалом в глазах либералов — в его городе чествуют нацистов, а он словно в рот воды набрал. Беспроектный вариант, если не считать проигрышем огромный урон, нанесенный репутации Украины. Но, как видите, сработало. Львовская область стала единственной, где победу одержал Порошенко.

Проблема в том, что украинское общество не научилось отделять зерна от плевел, отличать добро от зла.

Правнуки воинов дивизии СС «Галичина» смотрят на шествие в честь их дедов и думают о былых победах. Не понимая, что мир давно определился — во Второй мировой войне абсолютным злом была нацистская Германия и ее сателлиты. Иного не дано. И никто не позволит сегодня реабилитировать отдельные коллаборационистские формирования на том основании, что они хотели на нацистских штыках создать свое государство. В противном случае мы станем изгоями в этом давно определившемся мире.

Марш в честь дивизии СС «Галичина». Фото Роман Балук, vgholos.com.ua

— **Обратная сторона того же процесса — готовность отказаться от своей по праву победы. Взять хотя бы переименование проспекта Героев Сталинграда в Киеве. Вряд ли кто-то полагает, что этот проспект получил свое имя (в 1982 году) в честь Сталина? Если же его назвали в память о сотнях тысяч солдат (в том числе десятков тысяч украинцев), павших в одной из важнейших битв Второй мировой, то не заслуживают ли они такой памяти? Или эти украинцы — больше не наши герои? Но тогда мы сами лишаем себя статуса победителей, вторя Путину, заявившему в 2014-м, что Россия выиграла бы Вторую мировую и без помощи Украины...**

— Это действительно крайне глупая политика. Когда-то я смотрел на эти телодвижения как ребячество, детскую болезнь, к тому же, локальную. Но если это возводится в ранг государственной политики, то государство несет ответственность за последствия своих решений.

В страшном сне трудно представить более эффективную помощь российской пропаганде на международной арене. Ура-патриоты не понимают, что

современные немцы — больше не их союзники, они давно покаялись и несут это покаяние десятилетиями. Помню, лет десять назад Ангела Меркель во время одной из встреч с Путиным нещадно критиковала действия российского руководства — крайне жестко и принципиально. А в конце встречи Путин умело пожаловался на Ющенко, мол, тот присвоил звание Героя Украины гауптману вермахта Шухевичу. И канцлер сразу отреагировала: это мы не можем одобрить.

Российские СМИ аккуратно вырезали все наезды на Владимира Владимировича, оставив 15 секунд, посвященные Шухевичу, а украинские журналисты все это тут же воспроизвели, обозвав Меркель «фрау Риббентроп» — за то, что не отстояла Украину перед Путиным.

Мы с удовольствием ведемся на эти манипуляции. Хотя нет большего вреда для Украины, чем репортажи в европейских СМИ о переименовании очередной улицы, названной в честь героя Второй мировой, и присвоении ей имени человека, сотрудничавшего с нацистами.

Особенно скверно это выглядит на фоне усиления одной опасной тенденции. В Германии полушепотом начинают говорить о том, что если бы не добровольные помощники в разных странах мира, немцы не достигли бы таких успехов в решении «еврейского вопроса». Поляки, услышав это, встают на дыбы — мы постоянно с вами воевали, у нас не было коллаборационистских формирований и т.д. А украинцы тут как тут — да, мы были вместе, мы гордимся батальонами «Роланд» и «Нахтигаль», дивизией СС «Галичина», мы чествуем их как героев.

Кадр из фильма «Наши матери, наши отцы»

Несколько лет назад в Германии вышел мини-сериал «Наши матери, наши отцы», где уже просматривается идея о том, что без коллаборационистов в Восточной Европе нацистам пришлось бы туго. С исторической точки зрения фильм сделан крайне небрежно. В очень негативном свете изображены поляки (обсуждение докатилось до Сейма) и украинские националисты, разбивающие черепа евреям. При этом «украинские палачи» одеты в русские косоворотки, а сама акция проходит в Смоленске. Есть устоявшийся стереотип — украинские националисты — убийцы евреев, а как они выглядели и где жили — это для рядового немца слишком сложно. И нас это почему-то не беспокоит.

Если ситуация не изменится, немецкие голоса в пользу сотрудничества с Россией окрепнут. В Германии как огня боятся иметь дело со странами, где есть даже намек на запах неонацистских тенденций и попытки реабилитации нацистов.

— В состоянии ли Украина преодолеть свою историю? Возможно ли у нас появление книг, подобных трудам Яна Томаша Гросса в Польше или Руты Вангайте в Литве, которые задали тон общественной дискуссии о неудобном прошлом?

— Одно время я думал, что Польша разобралась со своим прошлым и точка невозврата пройдена. Но оказалось, что с приходом к власти консерваторов-националистов все очень легко отыгрывается назад. У них огромное количество исследований на неудобные темы — я завидовал полякам, завидовал их дискуссиям о книге Гросса, и все это пошло прахом. Сегодня на заседаниях польского Сейма в выступлениях депутатов сквозит искренняя радость по поводу того, что Гросса теперь можно «прижать». Один народный избранник дошел до того, что сравнил похищение Израилем Эйхмана из Аргентины с тем, что могла бы сделать Польша в отношении Гросса.

С Ванагайте еще более сложная история — огромное количество литовских патриотов считают, что все, ею написанное, — поклеп. Надо признать, что она действительно ошиблась в оценке деятельности Раманаускаса-Ванагаса, но ее противники хватаются, как утопающие за соломинку, за ее ошибки. В итоге все сводится к тому, что Гросс неправильно подсчитал, Ванагайте оболгала и т.д.

Если такая книга когда-нибудь выйдет в Украине, то это должен быть двухтомник, где один том будет посвящен Западной Украине. Во-первых, потому, что стратегия немцев по отношению к местному населению отличалась в разных регионах. Во-вторых, там, где украинцы имели хотя бы подобие самоуправления, можно говорить о некой украинской позиции. Потому что, огульно возлагая вину на украинское общество в целом за соучастие в Холокосте, мы услышим справедливые возражения — существовало ли украинское государство или хотя бы автономия в то время? Украинцы в Харькове или Днепре будут протестовать — мол, мы ничего общего с историей Западной Украины не имеем, наши деды воевали с нацистами...

Обобщения редко работают. Это верно для всех участников исторических событий. Но когда государство своим законом объявляет всему миру, например, ООН — героической организацией, оно тем самым принимает на себя ответственность за все ее деяния.

Евреи чистят мостовую у Оперного театра, Львов, 1941

— Готово ли общество услышать неприглядную правду?

— Нет, пока не готово. Во многом из-за тех же региональных отличий, но не только. Галичане считают себя национально сознательными по сравнению с украинцами Юго-Востока, которых испортила советская власть. А их, видимо, не испортила, хотя у многих дедушки были верными коммунистами — даже у одиозного «свободовца» Юрия Михальчишина дед был секретарем по сельскому хозяйству Львовского обкома партии.

Пора начать говорить с украинцами как государствообразующей нацией.

— Которая, вероятно, должна выработать общий исторический нарратив. Это реально?

— Я был недавно на экскурсии по местам еврейской памяти Львова. С чем у туристов ассоциируется Оперный театр? Ответ очевиден: памятник архитектуры, визитная карточка города. И тут же туристам показывают фотографию, сделанную на этом месте в 1941 году — евреи на коленях едва

ли не руками чистят мостовую на потеху местному населению — одна женщина из толпы расплылась в улыбке от счастья, у кого-то просто удовлетворение на лице. Скоро их еврейских соотечественников, возможно, убьют. И это тоже часть нашего нарратива, одна из его граней...

Пока люди этого не осознают, общество будет оперировать пропагандистскими клише, а не реальными историческими знаниями. Поэтому столь важно становление публичной истории. Историки — не идеологи и пропагандисты, а именно историки — должны стать агентами гражданского общества, выступающими в роли посредников между академической наукой и населением. Тогда есть шанс, что мы услышим и поймем друг друга.

Беседовал Михаил Гольд